

В ШКОЛЕ БЕЛИНСКОГО

Еще недавно Некрасов был только внимательным читателем "Отечественных записок", издававшихся А. А. Краевским. Но Краевский имел близкое отношение и к изданию "Литературной газеты", перешедшей с конца 1840 года в руки Кони; Некрасов же в этой редакции, как известно, был своим человеком. Начиная с 1841 года он печатал здесь критические статьи, вел редакционную работу, заменял редактора, с которым подружился. В отсутствие Федора Алексеевича он постоянно встречался - с Краевским, ходил к нему "каждую неделю на совет о составлении номеров "Литературной газеты", о чем сообщал своему шефу 2 апреля 1842 года (позднее отношения между Некрасовым и Краевским стали враждебными).

И нет ничего удивительного в том, что, продолжая сотрудничать в изданиях Кони, Некрасов начал изредка печататься в журнале Краевского. При этом он имел дело с самим издателем. Так, осенью 1841 года, живя дома, в Грешневе, Некрасов послал ему свою повесть, о чем рассказал Кони: "Я послал Краевскому "Опытную женщину", а денег за нее просить совещусь, потому что предварительно об этом не говорил..." Заказы на рецензии Некрасов тоже получал от самого Краевского, может быть, еще и по той причине, что побаивался Белинского, зная его только по статьям в журнале. Но поскольку критическим отделом "Отечественных записок" в это время руководил именно Белинский, то встреча начинающего сотрудника с известным критиком была неизбежна.

Когда эта встреча произошла - в точности неизвестно. Но примерно в середине 1842 года в редакции "Отечественных записок", помещавшейся в большом доме на углу Литейного, Некрасов впервые увидел Белинского. Ему навстречу вышел скромно одетый человек небольшого роста, сутуловатый, с неправильным, но замечательным, оригинальным лицом, с нависшими на лоб белокурыми волосами. Суровое и беспокойное выражение быстро сменилось на его лице другим - оживленным и светлым, когда он увидел пришедшего.

С первого знакомства Некрасов произвел хорошее впечатление на Белинского. Их знакомство вскоре упрочилось и перешло в тесную дружбу; критик, по словам И. И. Панаева, горячо полюбил Некрасова "за его резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добываясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд, не по летам, который вынес он из своей труженической и страдальческой жизни и которому Белинский всегда мучительно завидовал".

Белинский увидел в Некрасове представителя той же трудовой интеллигенции, к которой принадлежал и сам. Он прежде всех и, конечно, раньше самого Некрасова угадал его истинное призвание. Белинский умел почти безошибочно отличать настоящее от поддельного, талантливое от посредственного. И он скоро понял, что человек, прошедший такую жизненную школу, наделенный таким талантом и такой энергией, как Некрасов, может немало сделать для отечественной литературы. В то время она особенно нуждалась в деятельных и сильных работниках, способных принять на свои плечи огромной важности задачу: поддержать традиции Пушкина и Гоголя и, опираясь на них, повернуть современную литературу на новый путь, обратиться непосредственно к народным нуждам, к текущей жизни.

Острым умом своим Белинский определил, какая роль здесь могла бы принадлежать Некрасову. А определив это, он принялся с присущим ему увлечением учить и воспитывать своего младшего собрата. Да, именно учить и воспитывать, иначе трудно назвать ту настойчивую и терпеливую работу, какую начал Белинский, стремясь расширить кругозор Некрасова и направить его талант по верному пути.

"Белинский видел во мне, - вспоминал сам Некрасов, - богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались его беседы со мною... имевшие для меня значение поучения". Нередко они засиживались вдвоем часов до двух ночи, разговаривая о литературе и о разных других предметах. После таких "бесед-поучений" Некрасов, по его собственным словам, долго бродил по опустевшим улицам в каком-то возбужденном настроении - столько было нового и необычного в том, что он услышал.

Об этих беседах знали в кругу, близком к Белинскому. Так, Тургенев отмечает в своих воспоминаниях, что "летом 1843 года Белинский... лелеял и выводил в люди Некрасова". О том же самом позднее рассказывал и Анненков в письме к М. М. Стасюлевичу: "... В 1843 году я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: "Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне".

Белинский привязался к Некрасову, о чем сам часто говорил друзьям. Привязанность эта была столь велика, что даже после одной размолвки в начале 1847 года, о которой будет рассказано дальше, критик писал Тургеневу: "Я любил его, так любил, что мне и теперь иногда то жалко его, то досадно на него..." Понятно, что Белинский был с ним откровенен и высказывал самые затаенные свои мысли. Чтобы представить себе, каких предметов касались их разговоры, надо вспомнить, что судьба привела Некрасова к Белинскому во время наивысшего расцвета душевных сил критика, в ту пору, когда приближались к наибольшей зрелости его общественно-философские взгляды. Именно в это время, вскоре после переезда в Петербург, Белинским овладела идея социализма, которую он с фанатическим увлечением принялся развивать перед друзьями, стремясь увлечь своей верой всех, кто был рядом. Многие современники рассказывали о незабываемых речах, какие произносил в ту пору Белинский. Конечно, и в беседах с Некрасовым раскрывался его могучий дар пропагандиста. Тем более, что немногие из друзей Белинского с таким пониманием, с таким доверием слушали его речи.

Стихийный демократизм Некрасова, воспитанный его трудовой жизнью, его близостью к городским низам, его отвращение к крепостничеству, закономерно привели молодого литератора в кружок Белинского. И здесь он неизмеримо вырос под непосредственным воздействием своего наставника, открывшего перед ним новые горизонты; мысль о необходимости свободы для большинства, теории утопического социализма соединились в проповеди Белинского с признанием неизбежности революции.

В позднейших стихах Некрасова с большой точностью запечатлены поразившие его идеи Белинского. В поэме "Медвежья охота", обращаясь к "многострадальной тени" своего учителя, Некрасов восклицал:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Здесь сжато переданы самые важные из тех мыслей, что составляли содержание речей Белинского и бесед его с Некрасовым: утверждение гуманизма, отрицание "блаженства для избранных", забота о судьбе народа, выраженная в знаменитых лозунгах французской революции. Об этих лозунгах - "о равенстве, о братстве, о свободе" - поэт не раз слышал из уст Белинского.

По свидетельству Достоевского, Некрасов "благоговел перед Белинским и, кажется, всех больше любил его за свою жизнь". Постоянно вспоминая своего учителя в разговорах с Добролюбовым, Некрасов однажды сказал ему: - Вы вот вступили в литературу подготовленным, с твердыми целями и ясными принципами. А я? Заняться своим образованием у меня не было времени, надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду! Я попал в такой литературный кружок, в котором скорее можно было отупеть, чем развиться. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше!..

* * *

После сближения с Белинским все дальнейшие писательские планы и замыслы Некрасова складывались не без его влияния. Оценив возможности молодого литератора, Белинский посоветовал ему поскорее отказаться от литературной поденщины и приняться за большое сочинение. Некрасов и сам считал себя созревшим для такой работы и потому в один прекрасный день с жаром принялся за роман из современной жизни (это было в 1843 году). В

основу его он положил весь запас сведений и впечатлений, какой дала ему к тому времени петербургская действительность.

Этот роман, известный теперь под названием "Жизнь и приключения Тихона Тростникова", создавался как бы на переломе: кончилась пора литературного ученичества, и начинался период творческой зрелости. Черты переходного времени ясно ощутимы в романе: довольно слабые страницы со следами романтических увлечений чередуются с превосходной прозой в духе натуральной школы. В центре нового сочинения Некрасова оказался герой, судьба которого во многих отношениях напоминала судьбу его создателя. Писатель опирался на собственный жизненный опыт. Но писал он не воспоминания и не автобиографию, а роман, и потому имел право свободно распоряжаться своими героями, их чувствами и поступками; он ввел в повествование множество сцен и обстоятельств, не имевших места в действительности. Кроме того - и это самое главное, - он обогатил материал своих жизненных впечатлений зрелой мыслью. Он писал роман о большом городе и его социальных контрастах, о трагическом столкновении двух Петербургов - царства дворцов и особняков, населенных знатью и богачами, и мрачного мира углов и подвалов, где ютятся нищета, болезни и преступления.

С другой стороны, он показал и тех хищников, которые держат в руках судьбы неимущих и бесправных. Перед нами колоритная фигура знакомой Некрасову по личному опыту квартирной хозяйки Дурандихи, готовой выкинуть за дверь умирающего жильца; мы знакомимся с владелицей модного магазина Амалией Федоровной, извлекающей особые доходы из своего заведения, где живут беззащитные девушки-сироты; это о них Некрасов впоследствии рассказал в стихотворении "Убогая и нарядная":

... А девочку взяла "мадам"
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила.

В романе показано, что бедность не исключает высоких чувств; здесь воспета поэзия любви, которая находит себе приют даже в самой убогой, самой прозаической обстановке. Вот одно из характерных признаний Тихона Тростникова в его записках: "В бедной низкой комнате, тускло освещенной сальным огарком, озарявшим картину подгулявшей бедности, - старые карты, полуштоф с зеленой печатью и пестрой виньеткой, закапанной сургучом, четверть фунта икры и кусок хлеба на лоскутке грязной бумаги, щипцы, из которых поминутно дымилось смрадное испарение свечного нагара, да испещренную мухами рюмку с выбитым краем - среди жалкой и бедной действительности, окружавшей меня, я был счастлив так, как не был счастлив уже никогда впоследствии".

Некрасов отнюдь не склонен идеализировать своих героев. Нужда и голод порой вынуждают их совершать такие поступки, которые считаются безнравственными. Тростников в стремлении разбогатеть пускается в весьма сомнительные авантюры. Лишена моральных устоев его возлюбленная Матильда. Теряет человеческий облик спившийся учитель. Но, зная все это, читатель все же испытывает неизменное сочувствие и сострадание к героям книги: автор подводит нас к мысли, что пороки заложены не в природе человека, а в условиях общества, основанного на неравенстве и подавлении личности.

Мир городской нищеты подробно, с большой изобразительной силой воспроизведен Некрасовым в главе "Петербургские углы"; она представляет собой самостоятельную повесть очеркового характера и лучшую часть романа о Тростникове. Повесть, которая справедливо считалась одним из программных произведений натуральной школы, отличается остротой в постановке социальных вопросов, в характеристике городского "дна". Именно поэтому Некрасову не удалось напечатать ее в журнале: весной 1844 года цензура запретила "Петербургские углы" за якобы содержащееся в них "оскорбление добрых нравов и благопристойности". Только на следующий год удалось в измененном виде включить повесть в состав подготовленного Некрасовым альманаха "Физиология Петербурга" (1845).

В романе о Тростникове примечательна также его антибулгаринская направленность, явно связанная с влиянием Белинского. Некрасов говорит здесь о людях, которые пытаются

распространить в публике "настоящее понятие о значении литературы в жизни народа". Он добавляет, что голос этих людей пока еще заглушается голосами "промышленников", которые крепко держат в руках "бразды литературного правления". Нужна борьба с ними, нужно положить немало труда, чтобы преодолеть их влияние.

Кто же эти промышленники и кто им противостоит, по мнению Некрасова? Очевидно, речь идет, с одной стороны, об участниках передового журнала, то есть о кружке Белинского, с другой - о литературных реакционерах и дельцах болгаринского типа. В романе зло высмеяна продажная пресса, набросаны сатирические портреты журналистов. Не называя Булгарина по имени, Некрасов так точно изобразил его отталкивающие замашки и наружность, что упоминать имя уже не было необходимости.

В романе рассказывается, как Тростников написал водевиль, в котором вывел Булгарина в самом неприглядном виде. Встревоженный Булгарин приходит к автору водевиля и упрощает его изменить или смягчить текст. "- Я не перемену в моем водевиле ни одного слова", - твердо отвечает автор.

Между собеседниками происходит следующий примечательный разговор:

"- С чего вы взяли, - спросил я, - что в моем водевиле выведены вы?"

- Все говорят, все... Теперь же идут слухи по всему городу... У меня много врагов, много... Добросовестные литераторы всегда имеют много врагов...

- Если вы действительно добросовестный литератор, каким себя называете, то вам нечего бояться. В водевиле моем выведен страшный негодяй и бездельник, который торгует своими мнениями, обманывает публику, обирает портных и сапожников, пишет за деньги похвалы кондукторам и сигарочным фабрикантам, гонит талант, поощряет бездарность... Неужели это вы?.."

Не добившись своей цели, "почтеннейший" прибегает к угрозам. На прощание он говорит автору водевиля:

"- Смотрите же... а если не так... берегитесь... я приму другие меры... сильные меры приму... вот увидите... со мною бороться тяжело... тяжело..."

- Он пойдет жаловаться в полицию! - сказал мне высокий тощий актер, подслушавший последние слова почтеннейшего..."

На страницах романа Некрасов сделал попытку поддержать Белинского в его борьбе с болгаринским направлением. И не его вина, что эта попытка не увенчалась успехом; как известно, роман о Тростникове не увидел света (за исключением двух глав), а пролежал где-то в пыли много лет. Он оставался без движения до тех пор, пока разрозненные листы и главы незаконченной рукописи были обнаружены советскими исследователями Некрасова {К. И. Чуковским и В. Е. Евгеньевым-Максимовым.}; они привели в порядок найденные бумаги, что было нелегко, и опубликовали их отдельной книгой. Но произошло это только в 1931 году.

Таким образом, роман не стал в свое время фактом общественной борьбы и не занял подобающего ему места в боях, какие вела натуральная школа.

В романе о Тростникове заключено немало таких зерен, из которых впоследствии выросли многие образы и картины некрасовской лирики. Словно автор, не имея возможности закончить и напечатать рукопись, извлекал из нее отдельные мотивы и превращал их в стихотворные монологи, зарисовки, сатирические строфы. Так, прозаические сцены из жизни петербургских бедняков легли в основу стихотворений "Пьяница", "Еду ли ночью по улице темной", "Вино", цикла "На улице". Судьбы Матильды и, вероятно, Агаши откликнулись в "Убогой и нарядной" и в других стихах. Размышления о семье бедняка, умирающей с голоду ("хозяин дома с проклятиями заказывает три небольших гробика, заклинаясь вперед не пускать

таких постояльцев, от которых не остается даже и на их похороны..."), "претворились в полный драматизма стихотворный рассказ о смерти ребенка, где отец утешает мать такими словами:

Бедная! Слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин с проклятьем три гроба -
Вместе свезут и положат рядом...

("Еду ли ночью по улице темной")

Есть и еще примеры, показывающие сходство между романом и позднейшими стихами. Такова история Кирьяныча ("Петербургские углы"), честного труженика, обманутого каким-то полковником. Кирьяныч набрал артель печников, подрядился выполнить работу, но денег за нее не получил. "... Прихожу к полковнику, деньги прошу, - рассказывает Кирьяныч. - "Нет, братец, денег; не вышли еще". Жду месяц, другой - и опять иду... "Пошел вон! - закричал полковник. - Нет тебе ни копейки... Работа твоя никуда не годится. Печи скверные... Еще в тюрьму тебя засажу" ... Рабочие подали жалобу; платиться нечем; посадили меня в тюрьму..."

Спустя несколько лет, в 1848 году, Некрасов написал стихотворение "Вино", в котором почти буквально воспроизвел историю Кирьяныча, только заменил полковника купцом:

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
"Так не будет тебе ни гроша!" -
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...

Роман о Тростникове, даже не будучи напечатан, явился источником и первоосновой многих важных линий в некрасовском творчестве, в частности, линии крестьянской. Он сохраняет значение переходного этапа, ознаменовавшего решительный "поворот к правде" и положившего твердый рубеж между литературной поденщиной и зрелым творчеством. От этого романа тянутся нити к лирике Некрасова второй половины 40-х годов.

* * *

Шло время, и Некрасов все больше сближался с Белинским. Все лучше они понимали друг друга. Вскоре Белинский счел, что пришла пора ввести молодого сотрудника "Отечественных записок" в свою среду - в среду литераторов, которые группировались вокруг журнала. Некрасову предстояло встретиться с Иваном Ивановичем Панаевым и его женой Авдотьей Яковлевной, Павлом Васильевичем Анненковым, Василием Петровичем Боткиным и другими писателями, в той или иной степени близко стоявшими к кружку "Отечественных записок".

Впрочем, с Панаевым Некрасов уже встречался раньше. Еще в первое время жизни в Петербурге он в доме Фермеров встретил М. А. Гамазова, будущего сотрудника "Современника", востоковеда, оказавшегося родственником Панаева {Мать Панаева Мария Якимовна, урожденная Лалаева (армянка по происхождению), была двоюродной сестрой матери Гамазова.}. "Узнав от меня, - пишет Гамазов в мемуарной заметке, - что я интересуюсь литературой и имею некоторые связи в кружке писателей, он [т. е. Некрасов] просил меня сблизить его с ним. Я его свел у себя с Панаевым". Было это, по-видимому, в 1839 году.

Знакомство возобновилось через несколько лет. Белинский однажды пригласил Некрасова к Панаевым, предложив ему прочесть там свое новое произведение. Вероятно, это был очерк "Петербургские углы", только что законченный автором. В воспоминаниях Авдотьи Яковлевны сохранилось подробное описание этого первого появления, Некрасова в их доме.

После того как Белинский представил молодого автора, сконфуженного непривычной обстановкой, началось чтение. Голос у него был слабый, глуховатый, и читал он очень тихо, но постепенно разошелся. Панаева запомнила, что у Некрасова был болезненный вид, он горбился и казался старше своих лет. Читая, он часто машинально поднимал руку к едва пробивавшимся усам и, не дотрагиваясь до них, опускал ее опять. Этот жест навсегда остался у него - когда он читал свои стихи.

Тема очерка была неожиданной для большинства слушателей. По окончании чтения Белинский, очевидно, ощутил потребность поддержать молодого автора. Расхаживая по комнате, он говорил:

- Да-с, господа! Литература обязана знакомить читателей со всеми сторонами нашей общественной жизни. Давно пора коснуться материальных вопросов жизни, ведь они играют важную роль в развитии общества.

Затем сели играть в преферанс, для которого и собрались многие из присутствовавших. Игроки были весьма средней руки, и Некрасов, куда более опытный в этом деле, без особого труда всех обыграл. Тогда Белинский, кончая игру, сказал ему:

- С вами играть опасно, без сапог нас оставите!

После ухода Белинского и Некрасова Боткин, считавшийся в кружке главным ценителем изящного, обрушился на излишнюю реальность в литературе, доказывая, что она вредна и несовместима с необходимостью воспитывать возвышенные вкусы у читателей.

Коснулись и внешности Некрасова, отметили отсутствие у него светских манер. Кроме того, вспомнили о его занятиях литературной поденщиной, самая мысль о которой шокировала Боткина.

На другой день за обедом у Панаевых спор о Некрасове продолжался. Белинский горячо отстаивал необходимость самой суровой жизненной правды в литературе.

- Наше общество еще находится в детстве, - говорил он, - и если литература будет скрывать от него всю грубость, невежество и мрак, которые его окружают, то нечего и ждать прогресса.

А когда за столом речь снова зашла о поденщине, к которой вынужден был прибегать Некрасов, то Белинский, по словам Панаевой, обрушился с гневной тирадой на снобов, говоривших об этом с осуждением; только он один понимал тогда, что поденщина для Некрасова уже кончилась, что она была лишь неизбежным этапом и что весь он в будущем.

Критик внимательно присматривался ко всему, что писал Некрасов, заставлял его более активно сотрудничать в "Отечественных записках". Иногда его рецензии даже заменяли в критическом отделе журнала рецензии самого Белинского. Мы знаем об этом, в частности, из письма критика к А. А. Краевскому (от 9 июля 1843 года), издателю "Отечественных записок"; Белинский, уехавший в Москву, напоминал ему о необходимости "расплачиваться с Некрасовым, Сорокиным и прочей голодной братией, работающей за меня". Из этих слов видно, что уже в первой половине 1843 года Некрасов в какой-то степени мог заменять Белинского в журнале. Конечно, это могло быть только при условии доверия к нему со стороны критика, доверия, основанного на единстве взглядов и убеждений.